

Чехов нужен и понятен далеко не каждому. Но если это и элита, то никак не оформленная: вход и выход свободны. Границы не существует. И каждый, кто почувствует потребность, может пить из этого источника. Никакого деления на «избранных» и прочих тут нет. Итак, воображение - мощный, сильнее, чем у обычного человека, поток образов и умение остановить нужный и воплотить его, материализовать - вот начальная характеристика работы артиста по М. Чехову. Так сложилось, что в России общепринятым актерским учением считается «Система Станиславского», которую берут за основу многие педагоги по актерскому мастерству. Учение Чехова как целостная система приветствуется меньшим числом театральных мастерских, однако каждый актёр волен выбирать именно тот подход, который ему ближе. Станиславский создал Библию театрального артиста, а творческое житие Чехова даёт путь живого к ней прикосновения. Школы Чехова и Станиславского во многом похожи, однако их кардинально отличает подход к помещению актера в предлагаемые обстоятельства. Нельзя забывать, что Михаил Чехов — ученик Константина Станиславского, поэтому присутствующие в их системах различия не означают конфронтацию.

Дик П. Ф. Миролюбие как принцип духовно-нравственного служения

Проблема рассматривается в русле духовно-нравственного исцеления личности культур Евразии и сообщества планеты [2].

Суждения Н. А. Бердяева о характере, нраве, нравственности русских представляются перспективными для постижения духовно-нравственной основы культур Евразии. Русские у Бердяева, как минимум, восточные славяне. Россия, замечает мыслитель, должна осознавать себя Востоко-Западом, соединителем культур двух миров. Исследуя антиномии русских, включая толерантность, философ опирается на германскую методологию о соотношении мужского и женского начал народного характера. В русском народе начала XX века, полагает мыслитель, женское начало преобладает. Характеризуя Петра Великого, Бердяев называет русскими чертами царя: простоту, грубость, безразличие к церемониям и этикету, демократизм, любовь к правде и любовь к России.

В поздней книге «Русская идея» есть несколько суждений, значимых для нашей проблемы. «Нужно помнить, что природа русского человека очень поляризованная. С одной стороны – смирение, отречение; с другой стороны – бунт, вызванный жалостью и требующий справедливости» [1]. Русская душа религиозна, уверен философ, поэтому в России, включая коммунистическую Россию, всегда господствует какая-нибудь форма ортодоксальной веры. Бердяев полагает характерными для русского народа слова Александра Невского о Боге в правде. «Русская интеллигенция всегда стремилась выработать себе тоталитарное, целостное мирозерцание, в котором правда-истина будет соединена с правдой-справедливостью» [1]. Страстное желание русского духа обрести совершенную жизнь утверждением абсолютного в природно-средней жизни может приводить благие устремления народа к противоположным результатам: жажда абсолютной свободы к рабству, жажда абсолютной любви – к вражде и ненависти. Русское моральное сознание более христианское, чем западное; у русских моральные оценки определяются по отношению к человеку, а не к отвлечённым началам нравственности. Русские открыты для культуры межличностного общения; они меньше западных народов стремятся к социальной организации.

Нормативная культура присуща всем народам. По нашему мнению, специфика евразийцев, славян и не славян, обнаруживается в особенностях различения сфер формализованного официального и неформального межличностного общения на уровне индивидов и групп. Согласие индивидов в группе может как содействовать, так и противостоять реализации общего дела. Платоновское служение философов, воинов и хозяйственников общему благу в идеальном государстве есть служение людей свободных. Здесь благо вбирает истину мудреца, мужество воина и меру хозяйственника и потому оно есть добро, правда, справедливость. В реальном сообществе и подлинное благо понимается не однозначно. Если толковый словарь С. И. Ожегова определяет благо как слово только с положительным значением, то В. И. Даль в благом видит два противоположных качества. Согласно Далю, в русском языке преобладает церковный смысл благого: добрый, хороший, путный, полезный, доблестный. В просторечии же благой: злой, упорный, своенравный, беспокойный. Полагаем, что отрицательное качество благого могло стать

ответом народной культуры на необычные для неё способы созидания и/или распределения благ. Не успешный хозяин праведен, а человек. Вернёмся к характеристике от Бердяева. Если принять основной бытия и/или выявления народного характера русских/евразийцев мужское и женское начала, правомерно обозначить диалектику мужественной женственности и женственного мужества. Простота как величие правды реальной жизни и относительная грубость как разнообразие естественного бытия человеческого рода. Как черты нравственности, нрава народа они сравниваются в этикете групп. Безразличие может выразиться к конкретной форме этикета как иной культуре. Безразличие к духовно-нравственному основанию этикета может быть у индивидов из народа, но не у народа в целом.

Присущая христианской культуре глубина постижения природы добра и зла, их многотрудного противостояния-перехода позволяет признать духовно-нравственное качество личности, индивида и народа органичным. Человек, в отличие от животного, есть существо духовно-нравственное и потому может быть разным лишь в форме культуры нравственности; его бытие к свободе даёт ему право и обязывает выбирать свою среди версий ценностей созидания и разрушения, положительного и отрицательного. На сострадании и любви зиждется правда и процветает кривда: Бог-сила и Бог-правда всегда рядом, но не всегда вместе. В жизни и жизнью складывается умение индивида любить-прощать человека и потому не прощать его человеконенавистнические поступки.

Человека встречают по одежке и провожают по уму не только у нас. Характер евразийцев есть момент процесса исторически тесного взаимодействия и потому качественного преобразовании многих народов и культур. Наш опыт говорит о богатстве форм, явлений народного характера при несущественных различиях во всеобщей духовно-нравственной основе культуры. Поэтому любовь к правде и любовь к отечеству утверждает грани вместо и на месте пропастей между странами, народами, культурами и личностями. Иное и чужое отличаются качественно, как в диалектике созидания и разрушения. Положительный символ обозначения иного – не мой, немой – видим в слове «немец» на языках славян, Евразии. Иной – человек и потому тоже я. Восхищает глубина мысли и чувства об

источнике должного единства культуры человечности в призыве любить врагов своих.

Есть гармония человечности, покоящаяся на миролюбии: любви к миру и культурным мирам. Гармония человечности – путеводная звезда становления/восстановления справедливости человеческого рода. Каждая общность людей представляет один из равноценных уровней гармонического единения личностей. Возвеличивание и/или умаление некоторых есть нарушение целостности и потому реальное разрушение гармонии единства. По сути, низведение рода человека к бездуховному типу, от существа к веществу. Ушедший век оставил память о печальных итогах утверждения ценности одной группы, класса или нации, в качестве базовой. В деле исцеления человечества от вируса групповой исключительности общекультурное значение имеет идея П. А. Сорокина о страте, конкретной единице согласного бытия общества и личности, коде социально-культурной динамики.

В евразийской культуре Институт учительства всегда имеет высокую ценность. Пётр Великий после Полтавы поднимает кубок за здоровье учителей своих. Церковь учит «соединять Бога и мир, дух и плоть, смысл и реальность» [3, с. 60]. В духовно-нравственном наставничестве различают учителей и учителей. Учитель призван помогать семье в воспитании человека и гражданина, поэтому он должен быть образом безупречности, стать очевидной всем правдой-справедливостью. Не где-то высоко и очень далеко, а здесь, рядом и вместе. Евразиец В. С. Соловьёв видит нравственным учителем приходского священника, который достойной и потому нешумной духовностью, культурой организации жизни своей семьи показывает другим правильный путь истинного служения Богу-правде. Таково учительство подлинно миролюбивого любомудрия праведников. Полагаем, что общее в наименовании двух вероисповеданий, господствующих у евразийцев, отражается стремление верить-жить правильно, согласно благу, правде, справедливости. Иерархи православия отстаивают нормы культового служения, словом и делом подтверждают свою верность высшим идеалам и достойным традициям культур. Лидеры мусульман подчёркивают мирный характер истинного, правильного ислама, соответственно, называют искажением сути ислама истолкования веры в пользу насилия над личностью и межрелигиозных, межкультурных войн.

У М. Ю. Лермонтова есть противопоставление праведной крови поэта и чёрной крови господствующих в обществе наследников подлости отцов. Суд и правда здесь и сейчас подмяты неправедной властью. Божий суд, высший, обязательный и неизбежный для всех людей суд есть, уверен поэт, и потому справедливое наказание настигнет неправедных. В своё время, в советской школе учитель словесности объяснял ученикам божий суд в качестве суда народа на языке культуры той эпохи. Такое объяснение полагаем правомерным для практики единения культур сообщества Евразии: за мнением мира-общества стоит Бог-правда, а верная миролюбиво совесть духовно-нравственного человека укрепляет справедливость.

Литература

1. Бердяев, Н. А. Русская идея [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mexalib.com/read/334600>. – Дата доступа: 25.03.2017.

2. Дик, П. Ф. Терапеология как трансдисциплинарное знание / П. Ф. Дик // Императивы творчества и гармонии в проектировании человекомерных систем: мат. межд. науч. конф., г. Минск, 15-16 ноября 2012 г. // Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск, 2013. – С. 26-27.

3. Флоренский, П. А. Философия культа (Опыт православной антропологии) / П. А. Флоренский // Собр. соч. – М., 2004.

Цаприка А. Г., Гуринович С. В. Проблема формообразования в контексте цифровой архитектуры

Волна компьютеризации захлестнула архитектуру, претендуя на новую методологию проектирования и профессионального образования на основе инженерного подхода к формообразованию. Архитекторы с классическим образованием оказались не готовы к столь резкой смене не только привычных профессиональных инструментов, но и самих методов решения задач. Резкий методологический переход вместе с мастерами старой школы отсекает и предшествующую профессиональную культуру, поскольку она не поддается автоматической конвертации в новые форматы компьютерных технологий. Сегодня проблемы формализации архитектурных свойств объекта представляются главными в условиях компьютеризации